

Облик поэта

Эту книгу ждали почти сто лет! Книгу об иконографии Пушкина — от первого портрета, на котором он изображен в самом раннем детстве, до «изоверсий» современных художников.

Почему сто лет? Потому, что первую подобную попытку сделал С. Либрович в 1890 году в книге «Пушкин в портретах». С тех пор появилось немало прекрасных книг о тех или иных пушкинских изображениях, об изобразительных устремлениях в раскрытии этой вечной в нашем искусстве темы, но все же не было труда, который достаточно полно и широко обобщил бы весь творческий опыт изобразительной Пушкинианы, вклад в нее представителей разных поколений, предлагающих, по существу, в изобразительной форме тот образ, тот облик поэта, который в их время складывался в русском обществе.

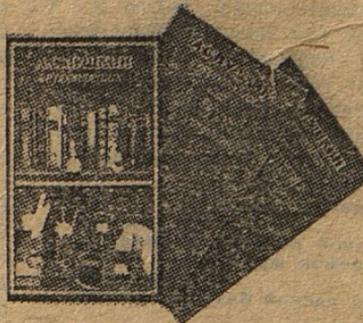
И такая книга появилась. «А. С. Пушкин в портретах» называется она. Написана Екатериной Павловой, заведующей отделом изобразительных фондов Государственного музея А. С. Пушкина, в результате более чем двадцатилетней работы.

С первых же страниц книги заметно, что автор знает материал как бы изнутри. Это и понятно. Павловой принадлежит не одно открытие в изучении иконографии Пушкина. Напомним, что она атрибутировала пушкинскую миниатюру на слоновой кости, переданную недавно в музей. Неизвестно было, когда и кем она была создана, да и оригинальная ли эта работа? Павлова не только доказала подлинность этого нового прижизненного, ранее неизвестного изображения поэта, но и назвала время ее создания — 1820-е годы — и автора, французского художника Жана Виьена.

Естественно, в книге мы вновь увидим хрестоматийные портреты Пушкина, исполненные Е. Гейтманом, В. Тропининым, О. Кипренским, Н. Уткиным, П. Соколовым, и менее знакомые, оставленные нам Г. Гиппиусом, Г. Чернецовым, П. Челищевым, Т. Райтом, И. Линевым... Заслуга автора книги и в том, что она ввела автопортреты Пушкина в общий ряд прижизненных его изображений, позволяя нам тем самым наглядно сопоставить то, как видел себя сам Александр Сергеевич, и то, как видели его другие.

Интересные предположения высказывает Е. Павлова по поводу так называемого «брюлловского» портрета, о котором писал еще С. Либрович, портрета, вот уже более ста лет вызывающего разноречивые суждения: то его считают несомненным произведением Карла Брюллова, то напрочь отрицают всякое брюлловское к нему отношение. Наблюдения автора книги весьма любопытны: она считает, что портрет «выдает руку незаурядного мастера... портрет написан человеком, знавшим и видевшим Пушкина, но по воспоминаниям. Художник — явно живописец — был вынужден взять за основу бывший у него под руками уткинский портрет, написав по-своему лишь голову...».

Большое место отводится портретам Пушкина, появившимся после его смерти. И, наконец, дается серьезный аналитический обзор работ советских художников. Ведь ни один, пожалуй, значительный живописец, скульптор или график не обошел

столь волнующую тему. «Во всей нашей литературе нет человека, — писал С. Маршак, — которого мы любили бы более личной любовью. Недаром мы относимся к его друзьям и врагам, как к своим собственным». Это относится и ко всему нашему изобразительному искусству. После революции пушкинская иконография получила как бы второе рождение. Поэт вошел в жизнь советских людей как современник, как живой, действенный фактор развития нашей культуры, в том числе изобразительной. Первый послереволюционный портрет Пушкина появился уже в 1918 году — это ксилография В. Масютина. Наибольшее число изображений поэта приходится на тридцатые годы, когда страна торжественно отмечала столетие гибели Александра Сергеевича. Особенно активна была здесь книжная графика. Достаточно назвать таких художников, создавших значительные произведения, как В. Фаворский, Н. Кузьмин, С. Мочалов, Л. Хижинский, Г. Ечеистов, П. Павлинов, А. Самохвалов, Н. Павлов, А. Кравченко, Н. Пискарев — список можно продолжать долго.

В книге анализируются и изображения Пушкина послевоенных лет — здесь поэт предстает перед нами чаще молодым, полным сил и творческого темперамента. Сложный процесс поисков новых путей отечественного изобразительного искусства, начавшийся в конце 1950-х годов и получивший свое дальнейшее развитие в последующее время, отразился и на пушкинской иконографии. Если прежде было заметно стремление художников к обобщенной трактовке образа поэта, то теперь характерной чертой становится личный подход к раскрытию темы, поэтому его портреты становятся более лиричными, интимными. К примеру, произведения скульптора О. Комова, который по-своему постигает образ поэта. Его Пушкиниана отличается непринужденностью композиции, ясностью пластического исполнения, тонкой поэтической выразительностью, сдержанностью и благородством трактовки.

Обзор советского изобразительного искусства за последние тридцать лет, глубокое понимание закономерностей «пушкинского» его развития — большое достоинство книги. Ведь этот период особенно насыщен разнообразными, интересными, подчас неожиданными и сложными по своему выражению пушкинскими работами, и определить какие-то особенности изобразительной Пушкинианы, выделить наиболее характерные произведения было, как мне кажется, нелегко.

Книга Павловой — это, несомненно, серьезный научный труд, но она же — вдохновенный популярный рассказ о Пушкине. Понимаешь вслед за автором, насколько пушкинская тема неисчерпаема в изобразительном искусстве.

Остается только добавить, что книга своеобразно выпущена издательством «Советский художник»: в двух элегантно подарочных томах, в прекрасном художественном и полиграфическом оформлении.

Евграф КОНЧИН